

Мрачковский
Сергей
Витальевич

Сергей Витальевич Мрачковский родился 15 июня 1888 года в семье политического ссыльного в курганской тюрьме, о чем в книге Градо-Курганской Троицкой церкви за 19 июня 1888 года имеется актовая запись за № 112.

Отец его, Виталий Яковлевич Мрачковский, работал на железной дороге слесарем и помощником машиниста. С 1875 года Виталий Яковлевич — депутат от слесарной мастерской железной дороги Южнороссийского союза рабочих, первой рабочей организации России, имеющей самостоятельную программу и объединяющей рабочих Одессы, Кишинева и Ростова. В обязанности Виталия Яковлевича входили сбор членских взносов, агитация среди рабочих, распространение нелегальной литературы. В декабре 1875 года арестованы В. Я. Мрачковский и другие члены Южнороссийского союза рабочих. В октябре 1876 года арестованные были препровождены из Одесского тюремного замка в Санкт-Петербург, в дом предварительного заключения. 24 марта Мрачковский был предан суду особого присутствия сената по обвинению «в составлении преступного сообщества», признан виновным и приговорен к лишению всех прав состояния и поселению в «менее отдаленные места Сибири».

Из Тобольска, куда он прибыл «...со строгим караулом с выбритою правою стороною головы в ножных кандалах и в сопровождении двух жандармов», Виталий Яковлевич был направлен в Сургут. В августе 1881 года состоялось его бракосочетание с дочерью ссыльнопоселенца Анной Синельниковой. В 1882 году в семье родился первенец — Леонид.

Шпехт
Евгений
Федорович

Родился в 1902 г. на Ленских приисках Бодайбинского горного округа в семье рабочего. Член партии с 1921 г.

С 1917 г. работал на прииске чернорабочим, маляром, помощником электромонтера. В 1922 г. участвовал в разгроме отрядов белогвардейцев в бассейне р. Витим. Был командующим войсками Бодайбинского уезда и начальником гарнизона.

С 1923 г. Е. Ф. Шпехт — на партийной работе, был заведующим орготделом Бодайбинского укома, инструктором Иркутского горкома ВКП(б). В 1930 г. без отрыва от работы окончил три курса хозяйственно-правового факультета Иркутского университета. В 1930—1934 гг. работал инструктором, помощником председателя краевой контрольной комиссии ВКП(б) в г. Новосибирске.

В 1934 г. Е. Ф. Шпехт был назначен уполномоченным Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Свердловской области.

В декабре 1937 г. был арестован. Умер в заключении в октябре 1941 г.

В 1956 г. Е. Ф. Шпехт был реабилитирован посмертно.

За неповиновение властям в 1888 году Виталия Яковлевича с семьей переводят сначала в Юрты, затем в тобольскую и курганскую тюрьмы, где в июне и появился Сергей Витальевич Мрачковский. Осенью семью переводят в Березов.

В 1889 году Виталия Яковлевича освободили. Он приезжает в Пермь и поступает на Пермскую железную дорогу. Семья добиралась к нему этапным порядком через пересыльные тюрьмы вместе с заключенными. Мрачковский был «полуосвобожден» — семья оставалась в тюрьме и только в 1891 году «была выдана на руки Виталию Яковлевичу».

Переезд следует за переездом, и в 1897 году семья поселяется в Верхнеуфалейском заводе, где Виталий Яковлевич устраивается работать машинистом на Верхнеуфалейском участке Пермской железной дороги.

Здесь, в Уфалее, оканчивает Сергей народную школу и поступает в Челябинское двухклассное железнодорожное училище. Виталий Яковлевич вспоминал, что сын был «резвым, развитым, любознательным мальчиком, зачинщиком всевозможных проказ, поборником справедливости». Школьное начальство часто жаловалось на проделки чересчур шустрого ученика, часто грозило исключить его из училища «за поведение». На втором году обучения случилось несчастье. Во время одной из прогулок Сережа сильно занозил ногу. Неудачно проведенная уфалейскими медиками операция, да к тому же еще и нечистым инструментом, осложнила болезнь, и мальчика положили в больницу с диагнозом «туберкулез кости левой ноги». Больше двух лет провел он в больнице, перенес десять операций, но так и остался на всю жизнь прихрамывающим. В 1922 году отец писал, что эта болезнь у сына «осталась на всю жизнь и служит немалой помехой в работе и теперь, спустя двадцать лет».

Годы, проведенные на больничной койке, не пропали даром: юноша много читал, занимался самообразованием, общался с больными, их родственниками-рабочими.

«Жизнь в Сибири, воспитание в революционной семье уже определили его как революционного рабочего,— писал позднее его друг и соратник Александр Николаевич

Щелконогов
Егор
Михайлович

Родился в 1917 г. в д. Тыгиш (ныне Богдановичского района Свердловской области) в семье крестьянина.

С 1932 г. работал в колхозе разнорабочим.

В 1937 г. был арестован и без предъявления обвинения отправлен в исправительно-трудовой лагерь. В период заключения предъявлялись различные

статьи: социально-опасный элемент, социально-вредный элемент, уголовно-бандитский элемент. В 1946 г. был освобожден по амнистии как уголовник.

В 1960 г. Е. М. Щелконогов был полностью реабилитирован.

Степанов,— он вступил в активные члены партии (Сергей — член РСДРП с 1905 года)». В это время в Уфалейском заводе росла и крепла социал-демократическая рабочая организация, создателями которой были Василий Александрович Худяков, Виталий Яковлевич Мрачковский, Михаил Алексеевич Земцов, Василий Иванович Вакулев, Василий Николаевич Жбанов, Иосиф Алексеевич Наговицын и другие.

Шел 1905 года. Ширилось революционное движение. В октябре — декабре бастовали рабочие металлургического завода, железнодорожного депо. Наряду с экономическими рабочие выдвигали и политические требования. Здесь же была создана боевая дружина, просуществовавшая до 1907 года. Начальником ее был Сергей Мрачковский, работавший в то время слесарем в депо. Тогда же, в конце 1905 года, была организована Уфалейско-Кыштымская группа РСДРП, переросшая в 1906 году в самостоятельную организацию, выделившуюся из Екатеринбургской окружной организации РСДРП, одну из самых крупных на Урале. В 1907 году она объединяла в свои ряды 559 членов. В этой организации Сергей был известен как Сокол, а его отец, Виталий Яковлевич,— Лев.

Небольшая квартира Мрачковских в Уфалее (Садовая, 9) превратилась в то время в нелегальный партийный комитет, где проходили совещания, заседания подпольного комитета Уфалейско-Кыштымской окружной организации РСДРП. Это был не только Уфалейский центр, сюда сходились сведения со всего Урала. По данным Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС, Сергей Витальевич являлся секретарем-организатором этой организации.

Лето 1907 года. Уфалейско-Кыштымская окружная организация РСДРП разгромлена полицией — шли повальные обыски. Был обыск и в доме Мрачковских, но ничего предосудительного обнаружено не было. Одной из причин того, что все было вовремя и надежно спрятано, возможно, было и то, что дочь жандармского урядника Козьмы Старожилова была женой старшего брата Сергея Витальевича, Леонида. Были схвачены и ожидали суда члены комитета окружной организации

147

Яглинский
Александр
Антонович

Родился в 1903 г.

В 1919—1922 г. работал техническим конторщиком станции Чусовская Пермской (ныне Свердловской) железной дороги. После окончания в 1923 г. курсов технико-распорядительных агентств в Екатеринбурге был помощником начальника на станциях Чусовская, Ергач, Губаха, заместителем начальника, начальником станции Кунгур, Зуевка, Верещагино. В 1933—1934 гг. работал диспетчером первого отделения станции Кунгур. С 1936 г. исполнял обязанности начальника ст. Кузино железной дороги имени Кагановича.

В январе 1938 г. по ложному обвинению в проведении вредительско-диверсионной работы был арестован. В предъявленных обвинениях виновным себя не признал. Однако постановлением комиссии НКВД и Прокуратуры СССР от 19 мая 1938 г. по ст. 58/8—9—11 был приговорен к расстрелу.

В 1957 г. А. А. Яглинский был реабилитирован посмертно.

В. А. Худяков, В. Н. Жбанов, А. П. Хромушкина, И. А. Наговицын, М. А. Земцов, Б. Е. Швейкин и другие.

Но, несмотря на злобствование реакции, борьба продолжалась. В мае 1908 года в связи с появлением в Уфалее первомайских прокламаций (только в заводе, не считая железной дороги, полиция собрала 1 мая 408 листовок) снова обыски и аресты. Схвачено около 40 человек, в том числе С. В. Мрачковский и его друзья-подпольщики, члены РСДРП К. В. Витвицкий, Г. И. Долматов, И. П. Анциферов, И. С. Пантелеев. Через две-три недели их отпустили за отсутствием улик, но подчинили гласному надзору полиции. Агентура сообщала жандармскому управлению, что в заводе насчитывается 25 партийцев, а в самостоятельной организации железнодорожного депо численность их не известна. 24 декабря 1908 года Сергеем Мрачковским, Козьмой Витвицким, Лазарем Терентьевым (а по воспоминаниям М. Н. Уфимцевой, и Павлом Федотовым) был приведен в исполнение приговор провокатору — смотрителю Верхнеуфалейского завода Василию Плясунову, по доносам которого были выслежены и схвачены в заводе многие члены Уфалейско-Кыштымской окружной организации РСДРП. В дом Плясунова ими был доставлен ящик с разрывным устройством как подарок от купца Прохорова. Этой бомбой и был убит провокатор. И снова арест. А в деле новая запись: «... об исследовании вредного в политическом отношении направления мещанина города Красноуфимска Лазаря Антонова Терентьева, 27 лет, крестьянина села Тундрисского Сургутского уезда Тобольской губернии (так как рожден был у политссыльного села Тундрисского В. Я. Мрачковского) Сергея Витальевича Мрачковского, 21 года, дворянина Козьмы Владиславова Витвицкого, 23 лет и крестьянин Верхнеуфалейского завода Екатеринбургского уезда Петра Никитина Иванова, 51 года, Ивана Петрова Анциферова, 22 лет и Ивана Степанова Пантелеева, 26 лет... по агентурным сведениям названные лица принадлежат к Верхнеуфалейскому комитету социал-демократов...»

Еще в апреле 1909 года Екатеринбургский

Язовцев
Семен
Иванович

Родился в 1884 г. в с. Кергуды Лукояновского уезда Нижегородской губернии в семье крестьянина-бедняка. Член партии с 1917 г.

С 1894 г. работал по найму. В 1905 г. был призван на действительную военную службу, плавал на кораблях Балтфлота. После демобилизации в 1909 г. работал у нижегородских купцов, был помощником заведующего кондитерской фабрикой братьев Афониных в Екатеринбурге, служил приказчиком у купца Богатеева. В 1917 г. уволен за организацию забастовки.

После революции работал в системе совторговли и потребкооперации — на кондитерской фабрике, в магазине «Возрождение», на колбасном заводе. Позднее был назначен уполномоченным СНК по Коми-Пермяцкому автономному округу. В августе 1935 г. был арестован. Его дальнейшая судьба не известна.

В 1958 г. С. И. Язовцев был реабилитирован посмертно.

исправник сообщал начальнику Пермского жандармского управления, что во главе уфалейских социал-демократов стоят А. П. Артамонов и С. В. Мрачковский, у которого хранятся все партийные документы и который поддерживает связь с Екатеринбургом.

Все они, кроме купца Петра Никитича Иванова, освобождены за недостаточностью улик. В 1911 году из-за постоянных преследований и невозможности для Сергея найти работу семья Мрачковских вынуждена была уехать из Уфалей. В Екатеринбурге Мрачковские устроились на железную дорогу: отец — машинистом, Сергей — слесарем. Младший, Николка, после окончания 4-классного народного училища — электриком на завод Ятеса. Февральская революция. Сергей Витальевич избран в состав первого Совета рабочих и солдатских депутатов Екатеринбурга, вошел в актив Уральского обкома РСДРП (б), является одним из лучших пропагандистов и разъездных агитаторов области. Он отличается трезвостью суждений, взглядов, твердыми большевистскими убеждениями, огромной энергией. В апреле 1917 года он — делегат VII Всероссийской конференции РСДРП (б). После Великой Октябрьской социалистической революции его назначают главой комиссариата по управлению Уральской области.

С февраля 1918 года Сергей Витальевич сражается на фронтах гражданской войны. Его направляют начальником бригады на Дутовский фронт. После разгрома дутовцев он командирован в Уфалей, где в то время назрела неблагоприятная обстановка, происходили серьезные столкновения между большевиками, эсерами и меньшевиками. Положение было нормализовано, но разгорался чехословацкий мятеж. Советское правительство сообщало о необходимости срочной мобилизации революционных сил в угрожаемых районах и крупных промышленных центрах. На Урале работу по мобилизации трудящихся для отпора мятежникам возглавил областной комитет РКП(б), который поручил Сергею Витальевичу, не возвращаясь в Екатеринбург, приступить на месте к мобилизации. Рабочие отряды уходили на фронт.

В середине июля ожесточенные бои шли на Екатеринбургско-Челябинском направлении,

Ярутин
Петр
Яковлевич

Родился в 1895 г. в д. Соколова (ныне Каменского района Свердловской области) в семье крестьянина. Член партии с августа 1918 г.

С 1907 г. работал на Асбестовских рудниках. В 1914 г. был мобилизован в царскую армию. Принимал участие в боях на Западном фронте. В 1918 г. добровольцем вступил в Красную Армию. После демобилизации в 1922 г. поступил на рабфак Уральского университета. После окончания в 1930 г. горного факультета Уральского индустриального института работал главным инженером обогатительной фабрики в г. Губаха. В 1931 г. в течение десяти месяцев являлся аспирантом при кафедре обогащения руд Уральского горного института. В 1931—1935 гг. работал директором этого института. В 1935 г. был назначен главным инженером фабрики № 3 «Гигант» Союзасбеста в г. Асбесте. В 1936 г. снят с работы. В июне 1937 г. был арестован. В 1957 г. П. Я. Ярутин был реабилитирован посмертно.

а точнее, на Кыштымско-Уфалейском. Здесь были сосредоточены регулярные части Красной Армии и красногвардейские отряды из Кыштыма, Верхнего и Нижнего Уфалея, Нязепетровска. Всего в этих боях участвовало около двух тысяч красноармейцев, вооруженных рабочими, 56 пулеметов, 2 орудия. Сергей Витальевич Мрачковский, комиссар Екатеринбургско-Челябинского фронта, с военруком Осиповым постоянно контролирует обстановку, беседует с красноармейцами. Вскоре Мрачковского назначают комиссаром второй Уральской сводной дивизии, затем — 29-й дивизии.

После отступления и сдачи войсками Красной Армии Перми, в январе 1919 года, при его непосредственном участии формируется отряд особого назначения, так называемый Особый Северный экспедиционный отряд, начальником которого и становится Сергей Витальевич Мрачковский. Отряд направляется на глубокий Север для ликвидации связи англичан с Колчаком на севере Урала и «для внезапного захода в тыл и фланг противника». Задачу свою отряд выполнил.

В апреле 1920 года Сергея Витальевича назначают командиром 152-й дивизии, 3-й бригады 51-й стрелковой дивизии, с которой он прошел до Иркутска.

В 1920 году он — командующий войсками Приуральяского военного округа. Примечательно, что тогда же, в декабре 1920 года, он издает приказ по войскам 57-й Екатеринбургской дивизии о составлении исторических очерков своих частей. Уже тогда он понимал, что необходимо создавать историю гражданской войны для потомков.

В 1922 году С. В. Мрачковского переводят командующим Западно-Сибирским военным округом. В декабре 1922 года он — делегат X Всероссийского съезда Советов и I Всесоюзного съезда Советов.

В январе 1923 года Сергей Витальевич — командующий 5-й армией, затем командующий Приволжским военным округом, некоторое время — командующий Кронштадтской крепостью, член Реввоенсовета для особых поручений. За героизм, стойкость, мужество, выдающиеся военные заслуги в боях с белочехами и колчаковцами он был награжден дву-

150

Отца я помню плохо. Ведь, когда его арестовали, мне было всего каких-нибудь девять лет... Конечно, нельзя сказать, что его образ совсем стерся в моей памяти, нет. Кое-какие впечатления детства, причем порой очень яркие, помнятся хорошо. Но, увы, к сожалению, не складываются в целостную картину...

Отец, сильный, уверенный в себе человек, искренний и нежный в душе, внешне же очень сдержанный, был подлинным главой семьи в лучшем смысле этого слова. Его авторитет был непреклонным. Но, как часто порою случается, чувствуя искреннюю привязанность к отцу, в его присутствии я не ощущал себя вполне раскованным. Возможно, причиной подобной робости являлось то, что слишком редкими оказывались минуты нашей душевной близости.

Отец, чрезвычайно занятый на работе, не имел возможности уделять достаточно времени своей семье. Его рабочий день длился, как правило, более десяти-двенадцати часов. Да и выкроить выходной ему не всегда удавалось. Зато, когда у отца выпадали свободные минуты, я

был награжден орденами Красного Знамени, высшей боевой наградой Республики, и именован золотым оружием (омские старожилы видели это оружие в московских складах НКВД в 1936 году). С 1925 года Сергей Витальевич на хозяйственной работе.

По данным ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, С. В. Мрачковский с 1923 года по 1926-й (до XV съезда партии) участвовал во внутрипартийной борьбе, выступая на стороне троцкистов. В октябре 1926 года Московская контрольная комиссия ВКП(б) рассматривала его дело по обвинению во фракционной деятельности. Ввиду полного признания им вредности фракционной работы и обязательства полностью прекратить ее, комиссия ограничилась выговором.

В сентябре 1927 года решением Московской контрольной комиссии Сергей Витальевич был исключен из партии по обвинению в организации подпольной типографии, а в ноябре он был арестован. Постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ от 13 января 1928 года он был сослан в отдаленные районы на три года. Спустя два с половиной года постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ от 12 июля 1929 года ссылка была заменена ему лишением свободы на три года, а постановлением от 23 августа того же года лишение свободы вновь заменено ссылкой. С 21 декабря 1929 года Сергей Витальевич — начальник промышленного отдела Главхлоппрома, а затем главный инженер, председатель правления Хлопстроя в Ташкенте. Восстановлен в партии. Следующее назначение — Казахстан, Акмолинск, а в феврале 1932 года — начальник строительства Байкало-Амурской магистрали. В сентябре 1933 года С. В. Мрачковский был освобожден от должности начальника строительства БАМ и откомандирован в ОГПУ.

25 января 1935 года С. В. Мрачковский вновь арестован. 26 марта Особым совещанием при НКВД СССР он заключен в концлагерь особого назначения сроком на пять лет. Тюрьма и дело «объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Вальтер Кривицкий — разведчик, порвавший со сталинским режимом, — так пишет о Сергее Витальевиче Мрачковском в своей книге «Я был агентом Сталина».

был по-настоящему счастлив. Мы совершали вылазки в лес, посещали цирк, где часто демонстрировалась модная тогда французская борьба, ходили в кино, а то просто беседовали, что, впрочем, доставляло мне не меньшее удовольствие. Позднее, уже накануне ареста, отца стали постепенно понижать в должности. Работа становилась у него менее ответственной и менее напряженной. В связи с этим у него появилось гораздо больше свободного времени. В то время этому обстоятельству по-детски я был очень рад.

Но вскоре все изменилось... Как-то раз отец не вернулся с работы. Такое иногда случалось, когда ему приходилось выполнять какое-нибудь срочное задание. Однако он не пришел домой и на следующие сутки... Домашние объяснили мне, что отец вынужден был внезапно выехать в командировку и потому не успел со мной попрощаться. Что ж! К его продолжительным отлучкам я уже успел привыкнуть. Он часто выезжал в другие города по делам службы.

152

«В июне 1936 года заканчивалась подготовка к первому показательному процессу над оппозицией. Добились признаний от четырнадцати человек. Главные действующие лица — Каменев и Зиновьев — уже заучивали свои роли и репетировали поведение в зале суда. Оставались двое, отвергавшие любые обвинения, — Сергей Мрачковский и Иван Смирнов. Сталин не хотел начинать процесс без них. Их долго пытали, жестоко и безрезультатно. Наконец начальник НКВД вызвал моего товарища Слуцкого и приказал допросить Сергея Мрачковского, во что бы то ни стало сломить его. С тягостным чувством мой товарищ (кстати, глубоко чтивший Мрачковского), рассказывал мне, а я слушал, как он выступал в качестве инквизитора.

— Я побрился перед началом допроса, — рассказывал Слуцкий, — а когда все кончилось, у меня выросла борода. Его привели ко мне в кабинет. Он сильно хромал — еще с гражданской, и я предложил ему сесть. Он сел. Вот, говорю, товарищ Мрачковский, приходится мне допрашивать вас.

— Я отвечать не буду. Я не желаю с вами разговаривать. Вы в тысячу раз хуже царских жандармов. Докажите мне ваше право допрашивать меня. Что-то я не слышал про вас в годы революции. Птицы, вроде вас, на фронты не залетали. А их, — Мрачковский показал на ордена Красного Знамени на моей гимнастерке, — их вы, скорее всего, просто украли. — Он поднялся, расстегнул рубашку, обнажил глубокие шрамы на груди: — Мои-то награды — вот они!

Не отвечая, Слуцкий подвинул Мрачковскому стакан с чаем и папиросы. Тот сбросил их на пол:

— Купить меня надеетесь? Не надейтесь. Я ненавижу Сталина, так и передайте ему. Он предал революцию. Меня водили к Молотову — тоже хотел купить. Я плюнул ему в лицо...

— Нет, товарищ Мрачковский, мои ордена я не украл. Я честно заработал их в Красной Армии, на Ташкентском фронте, а командующим там были вы. Я не думал и не думаю, что вы преступник. Но вы же не станете отпираться — вы примыкали к оппозиции. Партия приказала мне допросить вас. А что касается

153

Качиони Сергей Спиридонович

154

Я, естественно, удовлетворился подобными объяснениями. Тем более что со мной оставались мама, старший брат Юрий, переехавшая к нам в это время тетя Ксения.

Шло время, проходил месяц за месяцем, а отец не возвращался. Я стал беспокоиться, предчувствуя неладное.

И вдруг в начале 1937 года так же внезапно, как и отец, исчез брат. Он был намного старше меня. В то время учился уже на старших курсах Уральского индустриального института, имел свою семью и вместе с двухгодовалой дочкой и женой жил в нашей квартире. Вот-вот у них должен был родиться второй ребенок.

Мне не были понятны причины его исчезновения. Старшие же не желали со мной говорить об этом, только прятали глаза. Однако и самостоятельно разобраться во всем я не успел. Далее события стали развиваться стремительно, прямо-таки с калейдоскопической быстротой.

Нас переселили в другую квартиру, «уплотнив» с этой целью наших соседей Суворовых, также лишившихся к тому време-

ран, взгляните...— И Слуцкий в свою очередь обнажил искалеченную грудь. Потом продолжил: — После войны я работал в трибунале. Партия перебросила меня в органы. Я солдат партии и выполняю приказ. Если партия прикажет мне умереть, я умру (так и будет полтора года спустя; объявят, что Слуцкий скоропостижно скончался).

— Вы переродились,— возразил Мрачковский,— вы больше не солдат партии, вы охранник, ищейка.— Но, помедлив, добавил: — Хотя, кажется, в вас осталось что-то человеческое.

По словам Слуцкого, с этого момента между ними стал ощущаться ток взаимопонимания. Слуцкий заговорил о тяжелом внешнем и внутреннем положении Советского Союза, о капиталистическом окружении и врагах партии, подрывающих ее авторитет в массах, сказал, что нужно любой ценой спасти партию, которая одна способна спасти революцию...

— Мы проговорили три дня и три ночи. Все это время он ни минуты не спал. Я вздремнул часа три-четыре. Короче, он согласился, что в данный момент никто, кроме Сталина, не способен руководить партией. В партийных рядах нет достаточно сильной группировки, чтобы реформировать или сломать сталинскую машину власти. Да, в стране накопилось недовольство, угрожающее взрывом, рассуждал он, но объединение с людьми, посторонними партии, означало бы конец однопартийной системы, а он слишком сильно веровал в идею диктатуры пролетариата и не смел посягнуть на нее даже мысленно. Он был согласен, как и я, с тем, что настоящий большевик обязан подчинять собственные помыслы и волю помыслам и воле партии и, если нужно, бестрепетно идти на смерть, а то и на позорную смерть.

— Выматывая Мрачковского,— рассказывал Слуцкий,— я сам так измотался и перевозбудился, что расплакался вместе с ним, когда на третью ночь мы договорились до гибели идеалов революции — мол, только сталинский ненавистный режим еще несет в себе слабый отблеск надежды на светлое будущее, на алтарь которого мы оба обрекли себя с юности, и больше ничего не остается, совсем ничего, кроме как, спасая этот режим, постараться

ни главы семейства. Четверо взрослых и семеро детей стали обитателями трехкомнатной квартиры.

Сразу же наша жизнь приобрела совсем иной облик. И причиной тому была не стесненность, а нечто другое... Изменилась сама духовная атмосфера. Томительное ожидание чего-то страшного, что неизбежно должно было наступить в скором времени, — этого я не могу забыть и по сей день.

Однажды какие-то незнакомые люди пришли к нашим соседям. Те только что поужинали, и мать собиралась угостить детей арбузом. (При нашем тогдашнем отчаянном материальном положении огромный, почти пудовый, арбуз являлся непозволительной роскошью.) Его уже разрезали, и сочные, наполненные сладостью дольки лежали на блюде. Никто не решался дотронуться до них первым...

И в это время тетю Ксению Суворову вызвали в коридор. Выйдя, она вскрикнула и сразу же вбежала обратно, за ней вошли несколько мужчин. Дети, предчувствуя беду, кинулись к матери и обхватили ее руками.

предупредить обреченный взрыв недовольства, разочарования дезориентированных масс. Для этого партии нужно, чтобы бывшие лидеры оппозиции публично признались в совершении чудовищных преступлений.

Мрачковский попросил о встрече со Смирновым — старым соратником и другом. Произошла душераздирающая сцена: два ветерана Октября, рыдая, обнялись в моем кабинете.

— Иван Никитич, — сказал Мрачковский, — дай им, чего они хотят. Это нужно дать.

На исходе четвертого дня допроса он подписал показания, с которыми позднее выступил в суде. Он отправился в камеру, а я — домой и целую неделю не мог работать. Жить тоже не мог».

19—24 августа 1936 года в Москве проходил процесс по делу «объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Военной коллегией Верховного суда СССР Сергей Витальевич Мрачковский вместе с товарищами за «контрреволюционную деятельность» приговорен к расстрелу с конфискацией имущества.

Приговор приведен в исполнение 24 августа 1936 года.

В 1936—1937 годах были репрессированы братья Сергея Витальевича Николай Витальевич и Леонид Витальевич Мрачковские, их жены, дети Леонида Витальевича Вячеслав, Евгений, Виталий (расстреляны вместе с отцом) с женами, родственниками, всего около сорока человек. Реабилитированы все, большинство — посмертно.

Все постановления Особых совещаний, то есть вынесенные в несудебном порядке, в отношении Сергея Витальевича Мрачковского 9 июня 1988 года отменены военной коллегией Верховного суда СССР. Постановлением пленума Верховного суда СССР от 13 июня 1988 года приговор военной коллегии от 1936 года в отношении Сергея Витальевича Мрачковского отменен. Дело прекращено за отсутствием состава преступления, и Сергей Витальевич Мрачковский полностью реабилитирован.